

ная его жизнь, и потому внѣшнія препятствія для него только вѣхи, не позволяющія ему заблудиться на творческомъ пути. Бываетъ и невыносимо тяжело. Тогда Шагала хочется припасть къ землѣ. «У насъ мертвого кладутъ на землю. Близкіе, тоже сидя на землѣ, рыдаютъ у его изголовья».

«И я люблю, припавъ къ землѣ, шептать ей свои печали и молитвы».

Какъ истинный художникъ, Шагалъ видитъ и заставляетъ видѣть другихъ то, о чемъ пишетъ, также, какъ онъ передаетъ красками то, что видитъ сквозь себя. И о своей книгѣ онъ говоритъ: «Эти страницы имѣютъ тотъ же смыслъ, какъ полотно въ краскахъ».

Но современный человѣкъ не замѣчаетъ большую часть того, что попадаетъ въ поле его зрѣнія. Не все слышитъ. Его ощущенія притуплены. Слишкомъ много звуковъ и цвѣтовъ, и необходимо быть отчасти слѣпымъ и глухимъ изъ самозащиты.

Такъ и съ книгами. Большинство ускользаетъ отъ вниманія. Но есть такія, которыя его приковываютъ, которыя ощущаешь и которыми живешь. Такова книга Шагала. Она лишній разъ убѣждаетъ въ томъ, что правда побѣждаетъ выдумку. Нѣтъ ничего занимательнѣй жизни.

Ек. Бакунина.

Marc Vichniaf, Léline (Coll. «Ames et Visages»), Librairie Armand Colin, 1932, 266 p.

Это биографія, основанная, повидимому, на достаточно полномъ изученіи источниковъ. Говорю: повидимому, т. к. въ книгѣ только — по «модному» — совершенно устранены примѣчанія, нѣтъ и

никакого списка источниковъ; это серьезный недостатокъ книги, содержащей довольно много фактического матеріала и написанной, въ общемъ, живо и интересно.

Авторъ, по его словамъ, далекъ — какъ отъ желанія морально «уничтожить» своего героя, вродѣ того, какъ Тэнъ поступилъ съ Робеспьеромъ, — такъ и отъ «толстовскаго» желанія свести его дѣятельность къ стихійнымъ процессамъ исторіи. Авторъ «скорѣе приближается къ психологическому методу Бальзака». Однако настоящей «психологической биографіи» не получилось. Загадка психологіи Ленина, — соединеніе крайней доктринерской прямолинейности съ крайнимъ оппортунизмомъ, приводившимъ въ концѣ концовъ къ чему то вродѣ издѣвательства надъ той же самой доктриной, — эта загадка правильно указана, но мотивы этого противорѣчія, въ которомъ заключается не только проблема личности Ленина, но и проблема его вліянія на массы и проблема его успѣха — остаются все-таки нераскрытыми. Авторъ правильно подчеркиваетъ роль идеи «профессиональныхъ революціонеровъ» въ развитіи политическихъ взглядовъ Ленина: эта его издавна излюбленная «организационная» концепція несомнѣнно облегчила ему разрывъ съ демократіей и истолкованіе диктатуры пролетаріата, какъ партійной диктатуры. Вѣрно также указана связь этой идеи съ властолюбіемъ Ленина. При всемъ томъ, изумительная «приспособляемость» Ленина, — не только въ области политической морали, но и основныхъ политическихъ принциповъ, — остается психологической тайной. Въ этой же связи необходимо отмѣтить слишкомъ поверхностное изложеніе вопроса объ отношеніяхъ между Лени -

нъмъ и германскимъ правительствомъ въ 1917 г. и о его переходѣ отъ «революціоннаго мира» къ капитуляціи передъ германскимъ имперіализмомъ. Достаточно отмѣтить фактъ хронологическаго совпаденія ленинскихъ «тезисовъ о мирѣ», требовавшихъ этой капитуляціи, какъ разъ съ моментомъ, когда могла явиться надежда на революцію въ Германіи, — съ берлинской забастовкой, (фактъ, скрытый въ изданіи сочиненій Ленина, путемъ очевидно намѣренной игры съ датами по старому и новому стилю), — достаточно вспомнить о призывѣ во время пораженія Германіи создать «трехмилліонную армію», чтобы идти на помощь «германскому народу» противъ «имперіализма» Антанты (до перехода власти къ либерально-демократическому правительству принца Макса Баденскаго, и паденія Людендорфа, послѣ котораго Ленинъ перешелъ къ революціонной политикѣ въ Германіи), — чтобы понять, что тутъ отнюдь не все можно объяснить однимъ «совпаденіемъ интересовъ» въ извѣстные моменты между Ленинымъ и германскимъ командованіемъ.

А. Кулишеръ.

*L. F. Céline. Voyage au bout de la nuit.
Denoël et Steele. Paris. 1932.*

Если царство небесное внутри насъ, то, навѣрно, и преисподняя не что иное, какъ опредѣленное состояніе нашего сознанія. Если рай совершенная любовь, изгоняющая всякій страхъ, то адъ, навѣрно, совершенный страхъ, изгоняющій всякую любовь. И если человѣкъ, пребывающій въ аду, вздумалъ бы написать книгу, мы бы изъ нея узнали о томъ,

что никакой вообще любви въ мірѣ нѣтъ; что надъ людьми безраздѣльно властвуютъ трусость, низость и похоть; что человѣкъ для человѣка только фигура, внѣшнее явленіе, и потому поступки его, — всѣ, не сопровождаемые доброжелательствомъ и не воспринимаемые съ симпатіей, — безмысленны, противны или смѣшны, какъ тѣлодвиженія танцующихъ въ ярко-освѣщенномъ залѣ, когда съ улицы, изъ-за толстыхъ стеколъ оконъ, не слышна вызывающая и объясняющая ихъ музыка.

Такою книгою, такимъ свидѣтельствомъ объ адѣ, и является «Путешествіе вглубь ночи» Селина.

Это книга замѣчательная. Кажется, ничего равноцѣннаго не появлялось во французской литературѣ со времени Пруста. Не знаешь, о чемъ говорить, о талантѣ-ли, о глубинѣ, честности, — такъ почему же такое расхожденіе во мнѣніяхъ? Откуда это раздѣленіе читающихъ на превозносящихъ и ненавидящихъ? И не въ отвѣтъ-ли на этотъ вопросъ ключъ къ правильному пониманію Селина?

Бардаму, очень молодой человѣкъ, при объявленіи войны поступаетъ въ армію добровольцемъ и попадаетъ на фронтъ. Здѣсь онъ испытываетъ не только животный страхъ за свою жизнь, но и ужасъ, чисто человѣческій, оттого, что «такое» вообще возможно! Его окружаютъ милліоны обезумѣвшихъ убійцъ, и онъ, Бардаму, не виноватъ въ томъ, что со всей своей трусостью и низостью (онъ готовъ дезертировать), не можетъ не видѣть своего превосходства надъ ними, съ ихъ «*sale bravoure*», — виновато его «усиленное сознаніе». Съ этого все и начинается. Не смердяковщина, а глубокая — слишкомъ глубокая для простого, дневного пониманія,